

Этим утром на столе появились свежеиспечённые тонкие яичные блинчики.

Тун Хуайцин сел рядом:

— Пожалуйста, передай мне один.

Чи Е молча поддел блинчик сервировочными палочками и переложил в его розетку.

Тонкий и мягкий, он казался почти прозрачным на просвет. Свежие яйца, немного муки, капля воды да мелко нарезанный зелёный лук, только что сорванный во дворе, — чуточка соли, и больше никаких приправ не надо, чтобы раскалился этот чистый утренний аромат.

После завтрака дети собрались в школу. Чэнь Сяньян размашисто замахал рукой:

— Пока, брат!

Чи Е кивнул, закрыл за ними дверь и вошёл обратно. Тун Хуайцин, к его удивлению, держал в руках маленький кувшинчик и поливал цветы.

Кажется, настроение у него было отличным — он даже заговорил первым:

— Вернулся?

Чи Е подошёл ближе. Вспыхнувший каскад настурции стоял залитый водой до самого края горшка, но Чи Е решил побыть тираном, которому плевать на судьбу комнатных растений, и мягко отозвался:

— Угу.

Тун Хуайцин прищурился с улыбкой:

— Я же правильно поливаю?

Стебли настурции уже безнадёжно повисли.

Чи Е заколебался, собираясь возразить, но Тун Хуайцин опередил его:

— Будь так любезен, подскажи.

... Нет, так жить просто невозможно!

Чи Е сжал зубы и уставился на него с наигранной свирепостью:

— Если ты ещё хоть раз скажешь мне «пожалуйста», я...

А вот что «я», договорить не успел.

Тун Хуайцин звонко расхохотался и замахнулся на него лейкой, делая вид, будто сейчас окатит водой. Улыбка его была такой ослепительной, что Чи Е замер как вкопанный, даже не попытавшись уклониться. Но ожидаемый холодный душ так и не пролился — лишь пара капель брызнула на щеку.

Кувшин давно опустел.

— Тебя тоже надо полить, — смеясь, Тун Хуайцин направился к дому. — Расти большой и крепкий!

Его силуэт уже скрылся под навесом крыши, а Чи Е только тогда с мученической миной присел на корточки, хватаясь за сердце.

Мать твою.

До чего же милый.

С ума сойти можно, никаких сил нет.

В то утро клиент, приехавший издалека, с замиранием сердца наблюдал, как хозяин автомастерской — прославленный на всю округу умелец — раз за разом чуть не сносит себе молотком пальцы.

К счастью, обошлось. Заглохший было двигатель снова зарычал, да ещё и расходовать топливо стал экономнее. Довольный заказчик хлопал по синему боку машины. Хозяин, конечно, выглядел угрюмо и за весь ремонт не обронил почти ни слова, но человек, видать, неплохой. А главное — мастер первоклассный, и берёт недорого.

— У меня сегодня только крупные купюры, — клиент раскрыл бумажник. — Сдачу снимите, если не затруднит?

Вежливые обороты в обычной жизни — дело привычное. Не то чтобы их трудно понять.

Вот только клиент вдруг замер на полуслове: высоченный мужик перед ним застыл как истукан.

Покупатель недоверчиво переспросил:

— Если вам не трудно... Мамочки!

Чи Е резко обернулся, вытаращась на него с такой свирепостью, будто готов был разорвать на месте.

— С-сдачи не надо, извините!

Купюры в панике шлёпнулись на стеклянную стойку, и, не дожидаясь ответа, мужик, будто ему самому только что сменили движок, дал драпака.

Чи Е окликнул его пару раз, но куда там — не догнать. Вздохнув, он вернулся к верстаку и со всей силы отпёр лицо ладонями.

Глянул вниз — ба, на руках чёрная мазутная копоть, забыл помыть! Раньше он таких оплошностей не допускал: чистюля по натуре, всегда сперва отмывал руки с мылом, а уж потом брался за всё остальное. А сегодня из-за мыслей о своём измазал всю физиономию.

Он поднялся и подошёл к умывальнику. Подставку под раковину из красного дерева он сработал сам, вмонтировав в неё овальное зеркало. Как-то раз соседка, недавно въехавшая в их квартал, зашла в гости, увидела эту вещь и ахнула: мол, в её молодости девица с таким приданым могла претендовать на любого жениха и держать голову гордо.

Чи Е тогда слегка загордился и провёл соседку по дому, показав и шкаф, и книжные полки, и письменный стол со стульями, за которыми дети делали уроки, — всё сделано своими руками. Тётушка так и застыла с открытым ртом. Рассматривала-рассматривала, а потом спросила: «Ты ещё и узоры резные вырезал?»

А как же! Четыре благородных растения: слива, орхидея, бамбук да хризантема. Изящно, без лишней вычурности.

Разве что шкаф в противоположной комнате отличался: на нём вырезаны были дракон с фениксом да парочка уточек-мандаринок. Чи Е готовил его в подарок другу на обручение, да только свадьба расстроилась ещё до того, как вещь успели вывезти. Здоровый мужик ревел в три ручья, таща Чи Е пить водку, и весь перед его рубахи залил слезами. Чи Е тогда и сам ходил мрачнее тучи. И досадно ему было не за потраченное время, а от недоумения: неужто расставание — это настолько страшно? Мужчина же, где твоя гордость?

Приятель обнимал пивную бутылку, орал на всю улицу, что уйдёт в монастырь, а кто-то из сидевших рядом спросил: «Дружище, а с рукой-то что, откуда такой шрам огромный?»

Пилой задело, делов-то. Чи Е к такому привык: столярничать для него — всё равно что землю копать, просто физический труд, ничего особенного.

Тогда Чи Е ещё не открыл свой цех, только-только выкупил помещение под автомастерскую. Дела шли неплохо. Местные знали, что он человек честный, гнусностями вроде рассыпанных по дороге гвоздей не промышляет, за подкачку велосипедных шин денег не берёт. Какая бы мелочь ни сломалась — будильник, радиоприёмник, — шли к нему. Даже малышня с поломанными игрушечными каталками стучала в его дверь.

С соседями Чи Е всегда был приветлив. Увидев яркую пёструю машинку-качалку, долго добродушно умыкался. В каталку даже встроенная музыка была, да только переключатель заело, и звук застрял на одной фальшивой ноте. И вот под бесконечное «Ласточка, ласточка, в пёстром наряде-де-де-де...» Чи Е повозился на славу, пока не привёл её в порядок. Почему так долго? Потрогал и понял, что пластмасса дрянная, на стыках острые заусенцы. Он зачистил всё до единого шва, и музыка наконец зазвучала как надо: «Я спросил у ласточки: отчего пришла? А она в ответ...»

— Здесь весна самая кра-си-вая! — запищал малыш тоненьким голоском.

Красивая там весна или нет, Чи Е не ведал, но вот выражение его собственной физиономии в зеркале сейчас выглядело донельзя довольным. Подумаешь, на щёках чёрные разводы от мазута, которые и мылом не оттереть, зато уголки губ ползут вверх, а взгляд становится мягким-мягким. Взглянет на воду — вспомнит Тун Хуайцина. Возьмёт гаечный ключ — снова он перед глазами. Да даже едва уловимый аромат цветов в воздухе, чёрт бы его побрал, мгновенно сводился к Тун Хуайцину!

Разум вопил, что это уже полный абсурд, а на душе было сладко-сладко.

С грехом пополам отмыв въевшуюся грязь, Чи Е упёрся полотенцем в лицо и уже вознамерился уйти, но замер на пороге, развернулся и уставился на полочку под раковиной.

Там стояла баночка детского крема — парфюмированного, для лица, принадлежавшего Чи Ино. Девчонка иногда устраивалась здесь на дневной сон, а проснувшись и умывшись, проявляла недюжинную манерность: ни за что не шла в школу, не намазавшись этим средством.

«Брат, ты ничего не понимаешь! — заявляла когда-то Чи Ино. — Если умоешься и не намажешься кремчиком, кожа обветрится! Будет очень уродливо!»

Чи Е оглянулся на улицу. Убедившись, что никого нет, он сгрёб баночку. Ладонь у него огромная, а детский крем упакован аккуратно и миниатюрно — в его огрубевшей пятерне

пузырёк смотрелся комично и глупо.

Крем лягнул кожу прохладой, а запашок показался чересчур приторным. Прежде Чи Е такой ерундой не баловался — разве что зимой, когда дули лютые ветры, мазал лицо «Дабао», да и то исключительно из страха отморозить щёки. Когда в уезде Аньчуань выпадал снег, мороз стоял собачий: зазеваешься — и кожа покрывается багровыми твёрдыми корками, которые чешутся до безумия. Капля крема спасала, делая её мягче.

Но почему сейчас он чувствует себя вором?

Чи Е поднял взгляд на своё отражение, и на него накатила тоска. Хоть плачь. Как вообще люди улаживают дела на личном фронте? Сплошь и рядом: едва сошлись — уже обнимаются, целуются, за ручки держатся. А он с тех пор, как осознал свои чувства, только и делает, что гоняет мечты в голове. Раньше хоть мог взьерошить Тун Хуайцину волосы или обнять за плечи с шутками, а теперь — откат назад: даже к краю его одежды притронуться боится.

Вернувшись домой к обеду, Чи Е украдкой понюхал тыльную сторону ладони. От неё всё ещё еле слышно веяло детским кремом. Ему стало неловко подходить близко к Тун Хуайцину — вдруг тот разгадает его грешные мысли?

Но Тун Хуайцин сам подошёл к нему и тихо позвал:

— Гэ.

— А? — Чи Е как раз нарезал плотный тофу. — Что такое, проголодался?

Тун Хуайцин остался стоять под боком и сперва спросил о другом:

— Почему он желтоватый? Разве тофу не белый?

— Это на рассоле сделан, — пояснил Чи Е. — Лавка старым рецептом пользуется. На вид, может, и невзрачный, зато вкус отличный.

Если нарезать кусочки погуще да поджарить на сковороде, пока горячее масло не покроет их румяной аппетитной корочкой, а в самый разгар скворчания бросить зелёного перца да затянуть всё крахмалом... В прошлый раз Чи Е сделал так, и даже Тун Хуайцин, не любивший острое, съел пару лишних ломтиков.

— Я во второй половине дня хочу выйти, — сменил тему Тун Хуайцин. — Вернусь, наверное, поздновато.

Нож соскочил, и ломтик вышел косым. Чи Е не подал вида — всё равно Тун Хуайцин не

заметит.

— Заскучал дома? — Чи Е поднял на него взгляд. — Могу сходить с тобой. Похолодало, пора бы и одеждой запастись...

Тун Хуайцин улыбнулся:

— Не стоит, я сам справлюсь.

Оставшийся кусок тофу нарезался совсем криво, но когда всё это зашкворчало на сковороде вместе с зелёным перцем, обмениваясь ароматами, кому какое дело до формы?

Тун Хуайцин отложил палочки, не рискнув съесть больше: боялся, что разболится желудок. Осень окончательно вступила в свои права. Раньше, едва становилось холодно, он тут же улетал на юг — от сырого воздуха у него начиналась аллергия, а следом за ней обострялся гастрит. Помогали только мягкий климат да бережный уход.

Задумавшись об этом, он сам не заметил, как озвучил свои мысли. Вспомнился шутливый разговор с одним старым врачом-чжэньцзю, у которого он когда-то лечился.

«Дочка моя на биолога учится, в магистратуре, — рассказывал тогда лекарь, держа пальцы на его запястье. В те дни Тун Хуайцина терзали кошмары: он просыпался в холодном поту, с пониженной температурой, и сквозь бледную, почти прозрачную кожу отчётливо проступали синеватые венки. — Позвонит мне и плачет: мол, грибки эти в лаборатории до того капризные! Выхаживаешь их, трясешься над ними, а стоит чуть зазеваться — и в чашке Петри не остаётся ни одной живой клетки!»

Седовласому врачу было лет за шестьдесят, и улыбался он с бесконечным добродушием:

«Один раз говорит: "Пап, мне кажется, стоит мне не с той ноги переступить порог лаборатории, как мои грибы тут же орут: всё, мыдохнем!"»

Тун Хуайцин тогда лишь опустил ресницы, а пальцы его невольно сжались.

«Но вот ведь штука, — продолжал старик, — у некоторых студентов эти грибки растут в обычной эмалированной кружке без всякого ухода, и хоть бы хны — пышут здоровьем!»

Тун Хуайцин отнял руку, а стоявший рядом ассистент тут же набросил ему на плечи пальто.

— Понимаю, — с лёгким кивком отозвался он. — Грибы эти просто избаловались.

— Да нет же, я о том, что отношение к жизни...

— Умерли — и Бог с ними, — мягко улыбнулся Тун Хуайцин. — Всё равно от них никакого толку.

А ведь и правда смешно: пробыв в этом заштатном уезде не один месяц, он почти забыл о болях в желудке и спокойно глушил горячее рисовое вино чашка за чашкой.

Чи Ино, обняв пиалу, заслушалась так, что забыла жевать; Чэнь Сяньян тихонько дёрнул её за рукав, и девчонка снова принялась уплетать рис.

— Хочешь сказать, — Чи Е опустил палочки, — раньше ты болел куда чаще?

Тун Хуайцин лишь небрежно вскинул бровь, не изъявив желания развивать тему. Он лишь хотел подметить, что люди порой ничем не отличаются от тех самых грибков. Недаром в деревнях детям дают бросовые имена — говорят, так нечистая сила не заберёт и вырастить проще. В прежние годы в эту пору он уже гарантированно валялся бы в больничной палате под капельницами из-за аллергии.

Однако крошечный фиолетовый цветок, стоявший у изголовья кровати, дарил ему глубокий, спокойный сон. Наверное, оттого, что в нём почти нет пыльцы.

Пока Тун Хуайцин витал в своих мыслях, Чи Е насупился и не мигая уставился на него.

— Ты чего? — улыбнулся Тун Хуайцин. — Исследователям и впрямь несладко приходится, без вылазок из лабораторий сидят.

Чи Е проговорил тихо, глядя ему прямо в глаза:

— Дело не в них. Мне за тебя больно.

Летнее расписание ещё не отменили, так что времени хватало и на обед, и на полуденный сон. Однако Чэнь Сяньян, унеся посуду на кухню, тут же цапнул за руку Чи Ино:

— Брат, мы в книжный магазин «Синьхуа» сбегаете! Учительница велела взять несколько книг для месяца чтения.

Чи Ино как раз запихивала в рот куриное крылышко:

— М-м-м... Я ещё не доела, эй!

Чэнь Сяньян без лишних разговоров уволок сестрёнку за порог. Что ж, из-за стола полезно вставать с лёгким чувством голода — для желудка здоровее.

Дети испарились в мгновение ока. Стол остался убран лишь наполовину. Здесь не было ни изысканных ваз с букетами, ни живой скрипичной музыки, ни панорамных окон с видом на мегаполис — лишь послеполуденное солнце наискось прорезало комнату, раскинув по полу длинные полосы тёплого янтарного света.

Тун Хуайцин невольно смутился и сдержанно усмехнулся. К счастью, Чи Е не стал заострять внимание, спокойно поднялся, собрав тарелки, и спросил, не подвезти ли его куда-то после обеда.

Тун Хуайцин покачал головой: мол, сам доберусь.

В этом и заключалось редкое достоинство Чи Е: он никогда не лез с расспросами и оставлял ровно столько свободы, сколько требовалось. Как будто держал в раскрытой ладони пушистый одуванчик, боясь задеть хотя бы одну семечку. Вчера с тем самым Янь Шу вышло точно так же: гость был взвинчен до предела, но Чи Е, убедившись, что тот не опасен, просто ушёл на кухню, предоставив им возможность поговорить наедине.

Заботливый мужик, ничего не скажешь.

Вот только по дороге Тун Хуайцина не покидало странное ощущение. Прохладный осенний ветерок ласкал его пылающие щёки, но внутреннее смятение не утихало. Идти было недалеко — вчера он уже наведывался сюда тайком.

Те хурмины он ел долго. Когда мыл руки, не только принял звонок от учительницы Янь, но и уловил в тишине едва слышные звуки музыки.

На эрху играли. Видимо, совсем новичок: фальшивые, прерывистые гаммы резали слух. Без присмотра преподавателя ученик явно запутался, и смычок выдавал скрипучие, почти визгливые трели.

Холодная струя омывала его пальцы. Они не дрожали; ногти аккуратно подстрижены, ровные, с розоватым отливом. Дети, обучающиеся музыке, помимо своего основного инструмента всегда неплохо разбираются и в других. Для Тун Хуайцина таким «вторым» инструментом в своё время стала двухструнная скрипка — эрху.

Старая поговорка гласит: «Пипа требует десяти лет, гучжэн — трёх, а на эрху учатся всю жизнь». Доля преувеличения тут есть, но фраза точно передаёт суть: этот народный инструмент невероятно капризен, и лишь тот, кто приложит колоссальный труд, сможет исторгнуть из него ту самую душу разрывающую песню.

Тун Хуайцин долго слушал эти попытки во дворе, пока наконец не выдержал и не вышел на улицу. Пошёл на звук, завернул за угол и остановился у ворот особняка.

Вдоль забора пестрели петушиные гребешки. Калитка стояла незапертой. В глубине комнаты восседала девчушка с унылой физиономией, сжимая в руках эрху. Дремавшая у порога собачка подняла голову, намереваясь залить лаем чужака, но, склонив морду набок и разглядев Тун Хуайцина, вдруг сорвалась с места и кинулась к нему, извиваясь и бешено виляя хвостом.

— Сань Гунчжу! — закричала девочка из дома. — Нельзя!

Пёсик был с длинной белой шерстью и едва заметными тёмными дорожками под круглыми глазами. Узкий переулок вынуждал прижиматься к стене, когда мимо проезжал велосипедист, так что юркий комок шерсти вертелся у ног Тун Хуайцина, а хвост его мелко молотил по голеникам: тук-тук-тук!

Да надо же! Это ведь та самая собачонка, которой Чи Е давал яйцо во время завтрака! Тун Хуайцин тогда лишь украдкой сбросил ей из-под стола мясную булочку. Мимолётная доброта — а собака запомнила.

— Тебя зовут Сань Гунчжу? — обрадованно присел на корточки Тун Хуайцин. Собака мгновенно уткнулась ему мокрым носом в подбородок, опираясь лапками о колени. — Ха-ха... Привет, малышка!

Девчушка — на вид пятиклассница или шестиклассница — встала на пороге:

— Вы знакомы?

Тун Хуайцин погладил собаку по пушистой макушке:

— Ага. Она ведь пропадала недавно, верно?

— Точно! Только-только разыскали!

Видя, как пёс ластится к незнакомцу, девочка окончательно прониклась доверием и полюбопытствовала:

— Братец, а ты к кому?

В этот послеобеденный час переулок пустовал. Сань Гунчжу наклонила мордочку и попыталась лизнуть Тун Хуайцина за палец, но тот спохватился и резко отдернул руку.

— Ничего страшного, — поднялся он. — Просто у тебя фальшивят ноты. Постановку смычка надо поправить.

Девочка совсем скисла:

— Я вас оглушила, да? Но это так сложно...

На шее у неё болтался нефритовый Будда — вылитый как у Чи Ино. Здешние родители бережно вручали детям эти амулеты с молитвой о защите, и малышня росла беззаботной да доверчивой. Послушав короткие разъяснения про аппликатуру, девчонка мгновенно повеселела и сходу зазвала гостя в дом.

Тун Хуайцин остался за калиткой:

— Девчушка, а дома из взрослых никого?

— Никого! — жизнерадостно отозвалась та. — Но мамина работа тут за углом, если закричу — сразу прибежит!

И всё же заходить не следовало.

Вчерашним днём Тун Хуайцин простоял у её порога сокрушительно долго, разжёвывая музыкальную грамоту. Именно из-за этого он и закрутился, позабыв предупредить Чи Е о скором приезде учителя.

«Меня зовут Синьсинь! Ну, как в выражении "процветание"! Братец, приходи завтра снова, мы с Сань Гунчжу будем ждать! Я угощу тебя кофе!»

Поскольку старших дома не было, Тун Хуайцин категорически отказался переступать порог. Синьсинь просто вытащила маленький табурет и устроилась у ворот. Люди здесь проходили редко, переулок был светлым, а лёгкий сквознячок приятно освежал.

Вот только сейчас лицо Тун Хуайцина было не по-детски серьёзным. Он угрюмо разглядывал кружку в своих руках, то и дело бросая взгляд на сиявшую от предвкушения Синьсинь.

— Братец, вкусный кофе?

Тун Хуайцин выдавил улыбку:

— Замечательный.

Ну да: тёмно-коричневая жидкость, горячая, вот только вкус... Мать честная, да это же обыкновенный растворимый травяной сбор от простуды — «Баньланьгэнь»!

Синьсинь подпёрла щёки кулачками, гордо, будто делаясь великой тайной, проговорила:

— Мама разрешает мне пить кофе только когда я простужаюсь! По телевизору взрослые всегда его пьют!

Сань Гунчжу в такт её словам дважды тявкнула, полностью поддерживая хозяйку.

Тун Хуайцину оставалось только сглатывать: этот специфический травяной дух он терпеть не мог.

Из вчерашнего разговора он понял: Синьсинь, скорее всего, страдала каким-то недугом, из-за которого не могла ходить в школу. Пока сверстники бежали на уроки, она в одиночестве коротала дни во дворе, разглядывая тётеньку с чашкой кофе на отрывном календаре, мучила смычком эрху да обнимала собачонку. Иначе она бы давно узнала от ровесников, что за «кофе» подаёт ей мама.

И всё же девочка была смышлёной. Стоило Тун Хуайцину указать на ошибки, как она тут же исправляла постановку пальцев и выдавала чистый звук.

— Братец, ты такой крутой! — восторженно всплеснула руками Синьсинь и с мольбой уставилась на него: — Ну сыграй хоть одну мелодию, а? Мне так хочется послушать!

Этот братец был невероятно красивым, говорил мягко и ласково — идеален во всём, да только брать инструмент в руки упорно отказывался.

Тун Хуайцин лишь качал головой с улыбкой, переводя разговор на другое. Синьсинь предупреждала ещё вчера, что мама вернётся поздно, так что он решил побыть с ней побольше. Это давало возможность хоть чем-то забить душевную пустоту.

Янь Шу был прав: человек — не кошка и не собака. Как он может с чистой совестью продолжать жить под крышей Чи Е? Как бы он ни привык к этому дому, как бы ни жаждал этого тепла, они ведь друг другу чужие люди. Кто он им такой?

К тому же душевный надлом почти зарос. Осталось лишь собрать силы, сказать Чи Е «спасибо» и попрощаться.

Хотя Тун Хуайцин и сам не ведал, что делать дальше. Учитель и родня наверняка всё ещё пребывают в полном хаосе — перед отъездом он намеренно смешал все карты. Друзей, с кем можно поделиться наболевшим, не осталось. Близился Праздник середины осени, луна вот-вот нальётся полнотой...

Тун Хуайцин опустил взгляд и сцепил пальцы на коленях, пытаясь унять мелкую дрожь.

По первоначальному плану он собирался отправиться на север, посмотреть на заснеженные вершины. Семейный врач, наблюдавший его годами, после очередного осмотра прямо заявил: «Это равносильно самоубийству».

Той весной, всего пару месяцев назад, Тун Хуайцин равнодушно смотрел в окно на цветущие персики и вьющихся бабочек, а потом позвал сиделку и велел зашторить окна. Глаза бы его этого не видели.

В итоге сугубо по воле случая свести счёты с жизнью не удалось, и он оказался в этом никому не известном городке. Знал бы доктор, что его пациент теперь за обе щёки уплетает острый соевый соус с бобами, свалился бы от изумления.

Он застыл, погрузившись в воспоминания.

Очнулся он лишь тогда, когда Синьсинь затормошила его за рукав. Закат расцветил западную часть неба багрянцем — пышным, словно хвостовые перья сказочной птицы феникс.

— Смотри, как красиво, братец!

Тун Хуайцин заворожённо уставился вдаль.

И вправду... до чего же красиво.

На обратном пути он нёс подаренную Синьсинь стеклянную бутылочку апельсиновой газировки. Яркая оранжевая жидкость выглядела приторно-сладкой.

— Братец, ты придёшь завтра со мной поиграть?

Тун Хуайцин с улыбкой посмотрел на неё:

— Сделай перерыв на пару дней, не переутомляйся.

Девочка быстро уставала: руки, державшие эрху, лишались сил и беспомощно опускались.

— Ладно! Если придёшь — просто крикни моё имя!

Собака задрала морду и звонко залаяла. Синьсинь со смехом подхватила её на руки и прижала к себе:

— Или имя Сань Гунчжу!

Пока он шёл прежней дорогой, стеклянный бок бутылки покрылся капельками конденсата, стекавшими по его пальцам.

Дети ещё не вернулись. Чи Е с маленькой лопаткой возился у клумбы, но, услышав шаги, распрямился и посмотрел на него:

— Вернулся?

— Угу.

Оставив газировку на столе, Тун Хуайцин вымыл руки и ушёл к себе. Обменявшись парой коротких фраз, он больше не проронил ни слова. Сев на край кровати, он замер, смутно разглядывая вырезанных на дверцах противоположного шкафа дракона с фениксом. Слишком уж праздничным и пышущим жизнью казался этот узор.

Сколько прошло времени — неизвестно.

Его пальцы непроизвольно изогнулись, принимая привычную позицию над воображаемой клавиатурой.

«До...»

Не успев исторгнуть даже первый звук, Тун Хуайцин в ужасе отдернул руки и сцепил их в замок.

Дождался, пока бешено колотящееся сердце немного успокоится. Снова опустил ладони на бёдра и с трудом, невероятно медленно поднял пальцы, пытаясь опустить их на невидимые клавиши.

... Нет. Не выходит.

Спину обдало ледяной стужей. Дрожь волной поднялась от самого копчика. Казалось, густой терновник обвивает его тело, и с каждым движением острые шипы впиваются глубоко в плоть.

Во время терапии происходило то же самое. Длинные, блестящие серебром иглы раз за разом вонзались в его руки — руки, которые он любил пуще жизни. Тогда сознание спасала анестезия, он ничего не чувствовал. Зато теперь боль накатила во весь опор.

Тун Хуайцин прикусил язык, а затем до крови сжал губы. Запястья зашлись дикой, рвущей

болью; сухожилия сводило судорогой. Вся прежняя гибкость испарилась, сменившись свинцовой тупостью, будто мозг и суставы заржавели одновременно. Та мягкость, с которой он наставлял Синьсинь, бесследно сгинула — её захлестнул дикий, первобытный ужас.

Что со мной? Нет, не могу нажать. Я ведь только что думал, что справляюсь... Я думал, что почти исцелился. Я ведь сам решил всё бросить!

Боль.

Грудь Тун Хуайцина судорожно вздымалась, он со свистом втягивал ледяной воздух, всхлипывая и дрожа всем телом.

Пока чьи-то огрубевшие, тёплые ладони без лишних слов не сжали его дрожащие пальцы.

— Выдохни.

Чи Е опустился перед ним на одно колено — неизвестно, когда он вообще вошёл. Глядя на него снизу вверх, он произнёс ровным, глуховатым голосом:

— Медленно... выпусти воздух.

Плечи Тун Хуайцина бились в лихорадке.

— Смотри на меня, — продолжал Чи Е, и его тёмные глаза блестели ярко, словно ночные звёзды. — Слушай меня. Делай как я. Выдыхай.

Сердце стучало в висках молотом.

В груди завязался тугой узел боли, дыхание спёрло, но эти руки... Они были настолько тёплыми! Чи Е крепко сжимал его заиндедевские ладони, направляя каждый вдох и выдох, и шаг за шагом утихомиривал бушевавшую внутри бурю.

Тун Хуайцин походил на вытащенную из воды рыбу. Пряди волос прилипли к мокрому от пота, мертвенно-бледному лицу; кровинки в нём не осталось, лишь губы выделялись алым — да и то оттого, что он искусал их в кровь. На нижней отчётливо проступали следы зубов.

Как же, должно быть, ему было больно!

Чи Е пристально вглядывался в его лицо. Когда дыхание Тун Хуайцина наконец выровнялось, он бережно, но настойчиво разжал его одеревеневшие кулаки и переплёл свои пальцы с его. Всю ладонь Тун Хуайцина он мог без труда укрыть в своей пятерне.

Пальцы Тун Хуайцина распрямились, больше не имея возможности сжаться. Мозолистые подушечки мужчины касались его кожи, заставляя тело трепетать.

— Попробуй ещё раз.

Тун Хуайцин опустил голову.

Чи Е продолжал стоять перед ним на коленях. Сумерки сгущались, свет в комнате не включали, а за окном уже затянули кошачьи концерты бездомные коты — странно, сумерки едва затеплились, куда спешат?

Когда пальцы переплетены, ладони соприкасаются без остатка.

Чи Е осторожно направил его руку, повторяя то самое первое движение, и мягко опустил её на воображаемую клавишу.

Вот только теперь клавиатурой служили не собственные бёдра Тун Хуайцина, а тыльная сторона широкой ладони Чи Е, испещрённая мелкими шрамами.

«До...»

Коты за окном вопили во всё горло.

Тун Хуайцин всё так же не поднимал глаз, чувствуя, как Чи Е снизу вверх снисходительно смотрит на него. Обычно из-за разницы в росте Тун Хуайцину приходилось задирать голову, и сейчас этот необычный ракурс заставлял его сердце трепетно замирать.

Зато голос Чи Е звучал всё так же спокойно. Чуть хриловатый, глубокий, дарующий абсолютное чувство надёжности.

— Полегчало?

Чи Е вдруг вспомнилась та яркая детская машинка-качалка. Снаружи нарядная, а внутри — сплошные пластмассовые заусенцы. На заводе сработали торопливо и безалаберно. И лишь когда он шаг за шагом зачистил все швы наждачкой и перепаял проводку, музыка вернулась к жизни, разнеся чистый детский голосок: «Здесь весна самая красивая...»

Тун Хуайцин всё ещё прерывисто дышал, глядя на него прозрачным, чистым взглядом.

Он был прекраснее любой весны.

Чи Е смотрел на него не мигая, словно снизу вверх любуясь недостигаемой луной.

Тун Хуайцин не стал выдёргивать руку. Лишь отвернулся в сторону, тихо хмыкнул и пробормотал невпопад:

— Ты... мне больно сделал.

<http://bllate.org/book/19966/1985920>